

ных экономистов. Но надо особенно беспристрастно подчеркнуть, что эти вредительские иски вращались в сфере классовой борьбы. Было, конечно, величайшим заблуждением думать, что вредители действовали в таком, совершенно свободном от классовой борьбы пространстве. Так как они выражали интересы буржуазии, то госплановские заседания нередко превращались в арену политико-экономических побоищ. Схватки бывали острые. Словом, была диалектика борьбы и логика борьбы с постепенным нарастанием роли коммунистов-экономистов, которые на первой стадии были все-таки очень слабы, с постепенным отеснением от плановой работы буржуазных специалистов, подчеркиваю—буржуазных специалистов-экономистов, но не инженеров и техников. На этом фронте мы были неизмеримо слабее.

Из госплановских вредителей вызывают особый интерес, если их можно так назвать, вредители-синтетика, т. е. те, которые работали над наиболее общими синтетическими, политико-экономическими вопросами: над конъюнктурой, контрольными цифрами, пятилетним и генеральным планами. Мы имеем в виду главным образом громановско-базаровскую группу.

Вредители-синтетики, работавшие над контрольными цифрами, генеральным планом и отчасти над пятилеткой, по существу давали философию двух вредительских групп—промышленной и сельскохозяйственной, философию Промпартии и кондратьевцев. Их «объективная» наука органически связана с конкретной вредительской деятельностью Пальчинского, Рамзина, Ларичева, Кондратьева, Дояренко и т. д. Подобно тому, как Госплан призван синтезировать и обобщать на научной основе работу ведомств, госплановские вредители пытались как бы дать научное обоснование той подрывной работе, которую проводили вредители, работавшие как в Госплане, так и в ряде наших учреждений, в отдельных отраслях народного хозяйства. Если Рамзин и Пальчинский, Калинин и Хренников старались планировать важнейшие отрасли нашей промышленности так, чтобы вести к задержке их развития, чтобы создавать диспропорции, разрывы и провалы в промышленности, готовя страну к интервенции, то группы Громана и Базарова старались дать такое объяснение народнохозяйственных процессов и подсказывать такую общую экономическую политику, которая, задерживая развитие народного хозяйства на чрезвычайно низком уровне, должна была создавать разрывы и диспропорции в масштабе всего народного хозяйства, в масштабе, как любил выражаться Громан, единого хозяйственного целого, и в конечном счете поставить пролетарскую диктатуру перед всеобщей катастрофой. Они это делали под видом борьбы с диспропорциями, поднимая шум по поводу малейших затруднений, выступая в роли якобы борцов с затруднениями и диспропорциями.

Крупную роль играли вредители-промышленники, которые организовали так называемую Промпартию, работавшие в интересах военной интервенции против СССР. Они занимались как оперативной, так и плановой работой в отдельных отраслях промыш-

ленности и в промышленности в целом. В плановой работе они сплошь и рядом прибегали к ложной экспертизе, прикрываясь «научной совестью», которая на деле оказалась совестью куртизанок мирового капитала. Для них были возможны все средства—буржуазная демократия на словах и фашистский монархический переворот на деле.

Что же касается громановской школы, то она питалась идеологическими соками промышленных и сельскохозяйственных вредителей. А все вместе выражали политику и экономические интересы кулака и нэпмана внутри страны, белых эмигрантов и империалистов за пределами СССР.

В период наибольшего расцвета своей вредительской деятельности Громан и Базаров были по существу, своей идеологии на поводу у обеих групп, а больше всего у контрреволюционной организации, так называемой Промпартии.

Кондратьевская группа ориентировалась непосредственно на крепнущего кулака в деревне и прокладывала пути к власти капиталистов и помещиков. Те разногласия, которые были между громановской и кондратьевской группами накануне их ликвидации, являются столь незначительными и столь быстро изживались, что они существенного значения не имеют.

Они мечтали о свержении советской власти, о ликвидации «режима диктатуры пролетариата» и о восстановлении буржуазно-демократической республики. Сходились в основном и на том, что помогали Промпартии готовить интервенцию. Обе группировки особенно тесно сближались друг с другом по вопросам экономической политики.

Обе группировки—громановская и кондратьевская—контактировали свои политические действия со своей теоретической и практической работой. Они пытались проводить политику кулаков в советских органах через правых коммунистов, стараясь убедить по ряду важнейших вопросов коммунистов в необходимости повернуть экономическую политику страны на путь капитализма или на путь, подготовляющий капиталистическое развитие. Они «доказывали» неизбежность желательной им политики. Этой цели должны были служить так называемые бесстрастные факты объективной действительности, неумолимые цифры громановско-кондратьевской конъюнктуры.

Конъюнктура на службе у политики

Больше всего вредители-синтетики закрепились в области конъюнктурных наблюдений.

Конъюнктура! Это не обычная советская работа, это своего рода греческая пифия, которая каждый месяц, каждый квартал «слепо» изрекает свои слова в отдельных учреждениях, в отдельных ведомствах, по отдельным отраслям народного хозяйства, а потом восходит в Госплан и в Совнарком и устами Громана рисует якобы научно, объективно и беспристрастно действительность. Так они «делали» конъюнктуру в течение нескольких лет.

Так в одном из своих выступлений в 1924 г. Громан без всяких обиняков заявлял, что он при помощи конъюнктуры пытается подсказать определенное решение советскому правительству.

«Наша задача здесь, в Конъюнктурном совете,—говорил он на одном из заседаний последнего,—заключается не в том, чтобы намечать всю систему мероприятий, все методы нашего планирования и регулирования. Мы должны объяснять хозяйственные процессы, но в числе факторов этого объяснения вынуждены выдвигать как факторы нашу экономическую политику, наши методы планирования и регулирования».

Громан скрывается под удобной для него ширмой. Понимая совершенно правильно нашу экономическую политику как фактор, воздействующий на народное хозяйство, он истолковывает ее неправильно, обстреливает ее с позиции буржуазного понимания нашего народнохозяйственного развития.

Громан, как видим, перебрасывает мост от конъюнктуры к экономической политике и искусно переходит от якобы «объективных» конъюнктурных наблюдений к критике политики партии и советской власти.

Но если у Громана не хватает смелости говорить о политических выводах, то Кондратьев делает легкую, едва заметную попытку перебросить мост между экономикой и политикой. При обсуждении одного доклада Громана, в котором он фактически выступал против всей нашей экономической политики и пытался на ряде диаграмм показать, что мы идем чуть ли не к хозяйственной катастрофе, Кондратьев заявил, что он с Громаном вполне согласен, и бросил при этом одну фразу, которая должна была пройти незаметно для людей непосвященных, но которую должны были понять их друзья—вредители. Он заявил, что согласен со всеми положениями Громана, «все это,—говорит он,—отразилось на ваших диаграммах. Конечно возможно мыслить это со всеми вытекающими отсюда последствиями». Ясно, что речь идет о последствиях политических.

На словах и без слов, в конъюнктурных обобщениях и без них вредители говорили советской власти: «Вот затруднения, вот растущие узкие места, вот безвыходное положение, которое становится все более угрожающим, все ухудшающимся. Выход один—спуститься на тормозах и без тормозов, развязать экономическую стихию, ослабить экономические рычаги пролетарской диктатуры». Они говорили об ослаблении экономических рычагов пролетарской диктатуры, понимая, что за ними неизбежно должны последовать и рычаги политические.

Совершенно бесспорно, что по линии конъюнктурной работы громановская школа имела в той или иной форме своих ставленников, своих доверенных и проверенных лиц во многих местах. Нужды нет, если не во все периоды вредительской деятельности они имели оформленные нелегальные организации. Достаточно было иметь проверенных по старым меньшевистским, эсеровским и кадетским связям людей в советском аппарате для того, чтобы они

творили конъюнктурные обзоры по образу и подобию своему, в духе их собственных социально политических установок и стремлений.

Поступавшие в Госплан конъюнктурные материалы, особенно по сельскому хозяйству и по финансам, были уже до того в достаточной степени пронизаны громановско-кондратьевским духом и ждали только своего окончательного оформления в Конъюнктурном совете, возглавляемом Громаном.

Так работал вредитель Громан, который с первого дня Октябрьской революции был и оставался непримиримым врагом советской власти. Слывший крупнейшим знатоком конъюнктуры и опиравшийся только на строго «научные» данные, проф. Громан позволял себе иногда довольно грубые фальсификации. Так например, применяя неверный метод счета, он на одном заседании президиума Госплана сообщил, что долгосрочное кредитование промышленности выросло за один только квартал на 87%. Умысел Громана ясен: он хотел показать, что мы взяли непосильные темпы индустриализации. Однако выступивший в этом же заседании т. Струмилин показал, что долгосрочный кредит для промышленности вырос вовсе не на 87%, а только на 27%.

Само собой разумеется, что никакой марксистской методологии громановцы в конъюнктурных работах не признавали. Англо-американская школа властвовала безраздельно над умами «советских» конъюнктурщиков.

Как Громан строил конъюнктуру? В качестве примера укажем на то, как он построил свой доклад «О декабрьской (1927 г.) и квартальной (I квартал 1927/28 г.) конъюнктуре» на заседании Конъюнктурного совета 27 января 1928 г.

В этом докладе нет ни слова о промышленности, об энергетике, об индустриализации, о развитии социалистических форм в деревне, о капитальном строительстве, если не считать указания на то, что главным бедствием для народного хозяйства является, мол, то, что «капитальные работы... бурно переливаются сверх программы» и что «вливались миллиарды на строительство». Весь же доклад построен под углом зрения пресловутого рыночного равновесия и почти целиком базируется на огульном обобщении наиболее отрицательных явлений. При этом одна часть народного хозяйства, ведущая, выбрасывается за борт (или о ней говорится кое-что только отрицательное, что, мол, слишком много денег тратится) и берется только проблема равновесия между городом и деревней, между спросом и предложением, причем равновесие—в специфически громановском понимании.

Совершенно недвусмысленно Громан выступает в этом докладе также и против проводимого партией режима экономии и за интересы кулака—«крепкого мужика». «Если,—говорит он,—будут применяться репрессивные меры (мы тогда начали вводить «чрезвычайные меры»—*Р. В.*), вроде досрочного изыскания налогов и ряда других очень тяжелых процессов, то это заставит крепкого крестьянина пойти на такое хозяйство, от которого уже не будут этого требовать». Конкретно эта мысль означала, что крепкий крестьянин, кулак начнет снижать свое производство, начнет сам раз-

рушать свои производительные силы, для того чтобы он не фигурировал в качестве кулака, для того чтобы от него ничего не требовали. Громан и Кондратьев вообще как раз в этот период усиленно запугивали нас тем, что будет сокращение посевов и в кулацких и в середняцких хозяйствах, что та политика, которую ведет партия, совершенно подрывает производительные силы деревни. Они пытались запугивать партию тем, что кулацкие хозяйства будут на основе нашей политики ограничения кулачества сокращать свое производство.

Что касается партии, то она не только пошла на политику ограничения кулачества, но перешла к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, отмечая то, что предлагали Громан и Кондратьев, а вслед за ними правые оппортунисты внутри партии.

Партия вводила в тот период страну в полосу развернутой социалистической реконструкции. Экономическая жизнь страны характеризовалась огромными успехами индустриализации и стояла у преддверия сплошной коллективизации. Перед лицом этих процессов кулак и городская буржуазия начали оказывать политике партии отчаянное сопротивление. Кулак объявил знаменитую «хлебную забастовку», а партия ответила ему «чрезвычайными мерами». Партия мобилизовала бедняцкие и середняцкие массы для широкого колхозного строительства. Партия развернула среди рабочего класса широкую самокритику, как метод противодействия мелкобуржуазным кулацким влияниям на советский и профсоюзный аппарат. А громановцы и кондратьевцы, прячась за бюрократической скорлупой отдельных звеньев нашего аппарата, взяли на себя функции непосредственных выразителей кулацких интересов и старались политически оформить кулацкие воззрения.

Слушая громановские обзоры конъюнктуры, слушая его оруженосца, крайне недалекого, но весьма покорного и услужливого проф. Первушина, слушая конъюнктурные доклады Кондратьева, Кафенгауза, выступления Альберта Вайнштейна, Юровского и других из этой компании, у многих должна была возникнуть мысль: «и как это еще советская власть держится». Впрочем спасение заключалось в том, что действительность расходилась—и чем дальше, тем очевиднее и резче—с дутой, фальшивой, шарлатанской конъюнктурой, которую сочиняло громановское отродье. И недавно один коммунист после такого, создающего чрезвычайно тяжелое впечатление доклада Громана напомнил то, что сказал Лев Толстой по поводу мистических произведений Андреева: «он пугает меня, а мне не страшно».

У Громана же всегда хватало наглости выставлять себя в качестве страдальца за интересы советской экономики и советской власти. В этом отношении любопытен следующий факт. В 1928 г. он выступал с крайне реакционной, буквально контрреволюционной речью по поводу конъюнктуры. Он обрисовал состояние нашей конъюнктуры, ее перспективы в исключительно мрачных красках. Когда ему после этого было указано на совершенно недопустимую несуразницу его доклада и на то, что его выводы никак

не вяжутся с действительностью, он ответил примерно следующее: «Я, как обозреватель конъюнктуры, обязан указывать отрицательные явления и сигнализировать опасности. Вот и в «Броне-поезде» имеется китаец, который в тот момент, когда приближается неприятельский броневик, ложится на рельсы для того, чтобы спасти партизанские отряды. В вопросах советской конъюнктуры роль китайца выпадает на меня».

Монополизировав одно время работу по конъюнктуре, овладев статистическими работами как в ЦСУ, так и в Госплане СССР, Громан использовал этот аппарат для того, чтобы рисовать советскую действительность в совершенно превратном свете, для того, чтобы представлять в темных красках все, что у нас есть, и этим показать безуспешность социалистического строительства, провал коммунистических идей, близость краха советской власти. Этим самым он хотел толкать нас на уступки классовым врагам, пытаясь подсказывать необходимость открыть клапаны капиталистическому развитию.

Через конъюнктурные наблюдения, через якобы сами собою напрашивающиеся выводы громановцы и кондратьевцы стучались в двери партии со своими предложениями, со своими буржуазными идеями. Но партия даже тогда, когда она еще не считала их вредителями, всегда и неизменно отбрасывала прочь их буржуазные идеи. Они могли влиять на отдельных неустойчивых коммунистов, на отдельные части советского аппарата, но никакого успеха не имели их попытки изменить политику партии. Здесь они всегда и неизменно наталкивались на большевистскую решимость, на ленинскую непреклонность, на стальную волю партии, строящую социализм и беспощадно отбрасывающую в сторону всех тех, кто тормозит дело революции и кто ему сопротивляется.

Вредительский генеральный план

Вредители вели самую решительную борьбу против высоких темпов развития социалистического хозяйства. Достаточно известны минималистские установки, которые они давали, выступая по вопросам контрольных цифр, по вопросам годовых планов и пятилетнего плана. Но очень мало известна работа по генеральному плану, которая возглавлялась ряд лет буржуазным профессором Осадчим. Те проектировки, которые комиссия Осадчего давала по генеральному плану, рассчитанному на 15 лет, были даже в тот период столь смехотворны и находились в столь вопиющем противоречии с действительными темпами социалистического строительства, что ни одна из прикидок генерального плана не получила утверждения.

В основе генерального плана лежала совершенно неправильная методология. Никаких задач по строительству социализма, а тем более окончательному построению социалистического общества генплан Осадчего не ставил перед собою. Никаких предположений марксистско-ленинского понимания экономики там не было.

Генеральный план формально исходил из целевого задания и как бы щеголял своей «революционностью».

В чем же заключалось это задание? Оно заключалось в том, чтобы через 15 лет удвоить народный доход на душу населения. Не говоря уже о том, что количественно это задание вредительски-хвостистское, не говоря уже о том, что с того времени мы за пять лет, в условиях пока очень тяжелых, успели уже выполнить почти половину этого задания (так, народный доход на душу населения вырос на 46%), надо указать, что методологически этот подход совершенно неверен. Ведь народный доход является производным от таких факторов, как производительные силы и производственные отношения. Ясно, что в качестве стержневого задания его брать нельзя.

Здесь уместно вспомнить об одном «большом дне» в Госплане, когда проф. Осадчий докладывал проект генерального плана (непринятый). Он начал с удвоения народного дохода, с того, что для этого должно вырасти городское население на столько-то, в деревне на столько-то, поэтому придется построить столько-то жилищ, надо будет иметь столько-то обуви, столько-то одежды; так много времени употребил на эту сторону дела, что ни до какой энергетики, ни до какого металла, ни до каких ведущих отраслей нашего народного хозяйства он уже не дошел.

Надо помнить, что генеральный план составлен был Осадчим и его друзьями на 15 лет вперед: с 1925/26 по 1940/41 г. Генеральный план составлялся по пятилеткам, и вот если взять одни только проектировки по таким решающим отраслям, как металл и машиностроение, то обнаружится, что уже в настоящее время, по истечении 1929/30 г., мы перевыполнили те задания, которые ставились перед народным хозяйством. По черной металлургии комиссия Осадчего намечала прирост в течение первых 5 лет на 120%, в течение второго пятилетия—на 60%, третьего пятилетия—на 37%. В этом проекте между прочим заверстана знаменитая потухающая кривая, базаровская идея потухающей кривой, в силу которой наше народное хозяйство из пятилетия в пятилетие и из года в год должно снижать темпы своего развития. Сколько же мы выполнили в действительности по черной металлургии за истекшее пятилетие? Оказывается, она за одно только пятилетие составила 191,4% по отношению к 1925/26 г. вместо 120% прироста, запроектированного Осадчим. По крупному машиностроению комиссия Осадчего проектировала по пятилеткам прирост в 50—60%. В действительности же уже в 1930 г. общее машиностроение увеличилось на 245% по отношению к 1925/26 г. По прочим отраслям металлопромышленности генеральный план, составленный Осадчим и его единомышленниками, шел по линии той же потухающей кривой, предполагая для первого пятилетия 140% прироста, для второго—60%, а для третьего—35%. Что сказала действительность? В настоящее время эти отрасли металлопромышленности составляют уже 436,4% по отношению к 1925/26 г.

Соответственно этим проектировкам намечались темпы и по

другим отраслям промышленного производства и по с.-х. продукции. Черепашьим темпам производства соответствовали и темпы грузооборота. Весь грузооборот всех дорог нашей страны должен был по предположению генерального плана возрасти в 1941 г. до 190 млн. *т* (11 400 млн. пудов). В действительности же уже в 1929/30 г. один только грузооборот железных дорог составляет 241 млн. *т*, т. е. по грузообороту мы имеем за пятилетие перевыполнение того, что они проектировали на 15 лет вперед.

Вредительская «теория» советского хозяйства

Но, товарищи, вы не думайте, что эти цифры брались только с потолка. С потолка кое-что бралось, но вредители пытались подводить под них некую философскую базу, философское экономическое обоснование. Конечно, тут привлекались и довоенные данные, и сравнение с капиталистическими странами, и все прочее. На этих статистических данных мы не будем останавливаться. Отметим только, что эти малые темпы вредители пытались обосновывать как раз особенностями реконструктивного периода. Они давали своего рода теорию советского хозяйства, или по крайней мере теорию восстановления и реконструкции. В основу этой теории они положили совершенно неправильную предпосылку, которую без стеснения выдвигали во всех своих статьях, во всех своих выступлениях, на ответственных заседаниях и в Госплане и в других учреждениях. При этом вредители поддерживали друг друга наперебой.

В чем заключается эта особая философия? Она заключается в том, что пролетариат, взявший в свои руки власть, способен только разрушать производительные силы страны и может существовать только за счет основного капитала, унаследованного им от прошлого капиталистического строя. Они заявляли, что восстановительный период тем и характеризуется, что мы только восстанавливаем тот основной капитал, который лежит мертвым грузом, который ждет своей активизации. Но с исчерпанием этого основного капитала кончаются и возможности нашего дальнейшего развития. Такую мысль пропагандировали представители буржуазной идеологии в наших учреждениях, упорно внедряя ее в советские умы. Ею пленялись иногда и отдельные коммунисты. В качестве образца такого понимания нашего народного хозяйства укажем на выступление в Госплане Авилова (по докладу Громана о динамике и конъюнктуре народного хозяйства за первую половину 1923 24 г.). Авилов заявил следующее:

«Теперь, когда мы вошли в норму и достигли значительных результатов, говорить о том, что и дальше пойдем тем же быстрым темпом, не приходится. И в этом основное различие конъюнктуры прошлого и нынешнего годов»¹. Тот же Авилов на том же заседании дает убийственную характеристику

¹ Заседание Экон.-стат. секции Госплана СССР от 24/IV 1924 г. Архив Госплана, Эконом.-стат. секция, дело № 79, стр. 162. Разрядка наша. П. В.

нашей промышленности: «Промышленность,—говорит он,—делается похожей на хилого ребенка, которого постоянно нужно кормить искусственными средствами. Промышленность оказывается в роковом тупике»¹.

Более развернуто выражает эту мысль Громанн, совершенно недвусмысленно заявляя при этом, что он пытается дать целую систему взглядов, так сказать, философию нашей экономики и экономической политики: «Я,—говорит он в заключительном слове по докладу о современном состоянии народного хозяйства советских республик—в своем докладе пытался свести концы с концами, дать систему, доказать, что мы жили путем расходования основного и оборотного капиталов, указать диспропорцию между промышленностью и падением добычи сырья, понижением потребления крестьянством и прекращением производства им сырья. Я считаю, что в деревне нет сырья для поднятия промышленности, и это будет продолжаться ряд лет. Крестьянство будет работать на себя, а не на рынок. Моя формула такова—без помощи извне мы не справимся»² Начиная с 1922 г. Громан и его друзья пытались усиленно вколачивать коммунистам и беспартийным мысль, что мы жили и живем только за счет расходования основного и оборотного капитала, не создавая никаких новых ценностей, пожирая все то, что унаследовано рабочими от буржуазии. Вся наша история за последние годы, все действительно объективные данные, все статистические данные, которые Громан и его друзья пытались фальсифицировать, всячески преуменьшая наши успехи и достижения, все говорит об исключительной абсурдности такого положения, о том, что они никакой почвы под собой не имеют. Однако в годы восстановительного периода, когда положение было действительно исключительно тяжелым, когда творческие силы рабочего класса еще не могли выявиться в таких огромных размерах, в каких они выявились в период реконструкции, когда по целому ряду отраслей народного хозяйства мы действительно были далеко позади даже довоенного уровня, Громан связывал эти свои идеи с представлением о необходимости и неизбежности перерождения нэпа в систему капиталистическую. Он вместе с другими вредителями старался создать какую-то специальную «идеологию реставрации».

Исключительно неуклюже выступает против высоких темпов такой вредитель, как Гартван, который заявляет при обсуждении пятилетнего плана в 1929 г. следующее: «Высшее правительство и все народное хозяйство ждут от нас рабочего хозяйственного плана. А мы в своем стремлении осуществить эту задачу выступаем с планом, который с точки зрения металла, например, является совершенно бесхозяйственным. Почему? Да потому главным образом, что он предусматривает такое форсирование хозяйства металлопромышленности, которого ни одно хозяйство никогда не

¹ Заседание Экон.-стат. секции Госплана СССР от 24/IV 1924 г. Архив Госплана, Экон.-Стат. секция, дело № 79, стр. 163.

² Заседание президиума Госплана от 23.XII 1922 г.

допустило бы»... О каком таком «бесхозяйственном» плане идет речь? Спор шел тогда в Госплане по вопросу о том, можно ли предусматривать в пятилетке 8 или 10 млн. *т* чугуна. А вредители Гартван и Таубе доказывали, что выше 6 млн. *т* чугуна ни за что нельзя проектировать, обнаруживая между прочим не только страшную политическую реакционность, но исключительную отсталость в вопросах техники и последних достижений науки за границей. Как известно, мы будем иметь к концу той же пятилетки, о которой тогда шла речь, не 6 и не 10 млн. *т*, а 17. Как пришлось уже отмечать в другом месте, госплановские и ВСНХовские вредители хотели украсть у рабочего класса 10 млн. *т* чугуна и ограбить социализм на несколько лет развития. Недаром вредители Калининков говорил, что пятилетка потребует не меньше 10 лет для своего осуществления.

Громановские коэффициенты

В последние годы, когда вредители видели, что партия идет по пути высоких темпов, отменяя их и всех тех, кто в силу своей правооппортунистической ограниченности объективно поддерживает их внутри партии, они стали прикрываться как бы «чистотой» идеи индустриализации и коллективизации. Например один из тех, которые всегда гордо называли себя представителями громановской школы, статистик Вишневский выступал против увеличения программы тракторизации, пытаясь доказать, что при меньшем количестве тракторов будет возможность получить относительно большие результаты и что высокие темпы могут нарушить чистоту идеи тракторизации.

«Если мы будем иметь 50 тыс. тракторов, то мы можем надеяться, что мы доведем нагрузку каждого трактора до 70 дес. и следовательно юбработаем 3,5 млн. дес., но если будем иметь 100 тыс. тракторов, то можно поручиться, что нагрузка будет не больше 55 дес. на трактор, и от 100 тыс. тракторов мы будем иметь не 7,5 млн., а 5,5 млн. дес. вспашки, т. е. увеличение только на 2 млн. дес. при большой возможности компрометировать идею тракторизации сельского хозяйства».

Совершенствуя и углубляя свою вредительскую философию, Громан впоследствии пытался создать теорию о том, что над нашим народным хозяйством должны довлеть те отношения и те пропорции, которые существовали до войны. Правда, в 1924—1926 гг., когда он особенно энергично развивал эти свои взгляды, у него не хватало смелости говорить о том, что мы должны вернуться к тем же производственным отношениям в экономике, которые существовали до революции. Но он выводил якобы исключительно объективные, беспристрастные эмпирические закономерности, в силу которых у нас всегда и неизменно будут сохраняться те ценностные отношения между товарной продукцией промышленности и товарной продукцией сельского хозяйства, которые существовали в 1913 г.

Громан рассуждал примерно так: если принять за 100% всю